

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

*Тайна вещевого
рынка*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Л. Латышова*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Тайна вещевого рынка / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-243775-5

Татьяна Иванова берется за новое дело: кто-то испортил ярко-алой краской три витрины с самыми дорогими товарами в новом торговом центре. Ущерб большой, но не критичный: страховка покроет расходы. Так зачем же загадочный вандал пошел на такую экстравагантную выходку? Есть ли тайный смысл в этих алых разводах на элитных часах и платьях?..

Татьяне придется разворошить мутное прошлое сияющего нового ТЦ, чтобы докопаться до сути. А открывшаяся правда не принесет удовлетворения, а поставит перед новым, еще более сложным выбором...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243775-5

Пролог

К трем часам ночи Тарасов замирал окончательно. Улицы пустели, оставляя асфальт под присмотром редких фонарей. Гул дня сменялся одинокими звуками — скрипом вывески у круглосуточной аптеки, далеким гулом поезда за Волгой.

В этом сонном пространстве стоял торговый комплекс «Пассаж». Пять лет назад он вырос на месте старого завода. Местные газеты величали его первым деловым кварталом Тарасова. Девиз был громким, но суть оставалась прежней: это был крупный вещевого рынок. С претензией на лоск, стеклянными фасадами, где соседствовали бюджетный трикотаж и дорогая кожа, но все же рынок. Его экономика была проста: чем ближе к центральному входу, тем дороже аренда, а значит, и товар. Днем он был шумным, людным и безопасным. Ночью «Пассаж» превращался в склад. Его дневная мишура пропадала, обнажая сухой остаток: бетонные полы, отполированные уборщицами к полуночи; тускло мигающие

красные точки датчиков движения; черные, слепые глазницы витрин. Для стороннего наблюдателя это была не крепость. Это была система. Хрупкая, дорогая, но система со своими правилами и графиками.

Темная фигура, похожая на тень, отслоилась от черноты между мусорными контейнерами. Она замерла, сливаясь с бетонной стеной. Затем, без суеты, двинулась вдоль фасада. Одежда — темные спортивные штаны, темная кофта с капюшоном, перчатки. Ни марок, ни фасона. В руке — обычная хозяйственная сумка из плотной ткани. Тень остановилась у служебной двери. Дверь была стальная, с кодовым замком. Рука в перчатке потянулась к карману, достала магнитную карту-ключ. Стандартную, белую, без опознавательных знаков. Тихий щелчок был едва слышен даже в тишине задворок. Тень не обернулась, не прислушалась. Она вошла.

Дверь закрылась за ней. Узкий проход освещали тусклые светодиодные лампы. Слева — щитовые, справа — уборные. Воздух был спертым. Тень прошла вперед, к еще одной двери, ведущей в торговый зал. Здесь карта не понадобилась. Дверь была на защелке изнутри. Через стеклянную вставку была видна часть зала: манекены в неестественных позах, темные экраны кассовых аппаратов. Тень потянула дверь на себя, подсунула тонкую пластиковую пластину между полотном и косяком, на-

давила. Зашелка с тихим стуком ушла внутрь. Дверь отворилась.

Она ступила в первую лавку — Fiore di Pelle. Магазин с вывеской на итальянский манер. Внутри — кожа. Витрина — черный лак, металлические стойки. На них — куртки, сумки, ремни. Цвета — черный, коричневый, бордовый. Цены на маленьких бирках были скрыты. Тень поставила сумку на пол, достала из нее канистру. Движения были экономными, выверенными. Она сняла крышку, к внутренней стороне которой был прикреплен небольшой пластиковый ковшик. Внутри что-то плеснулось — густое, тяжелое. Жидкость была почти желеобразной, оставляла на стенке канистры плотный, медленно стекающий след.

Она отцепила ковшик, зачерпнула жидкость. При переливании ее в ручной распылитель — простой, садовый, с нагнетательным устройством — пальцы в перчатке соскользнули с мокрого края. Ковшик выпал, ударился о полированный камень пола с глухим пластиковым щелчком и откатился под ближайшую витрину. Тень на мгновение замерла, ее взгляд скользнул в ту сторону, где исчезла маленькая белая деталь. Она не наклонилась, не стала искать. Несколько раз нажала на ручку распылителя, чтобы создать давление.

И начала.

Струя вырвалась с тихим шипением. Не широким веером, а тонкой, плотной струей.

Первая дуга алого цвета легла на куртку из мягкой черной кожи, подбитую мехом. Краска не просто запачкала поверхность. Она моментально впиталась, изменила фактуру материала, превратила гладкую поверхность в мокрую, темную. Тень двигала распылителем методично, с холодной точностью. Она обрабатывала не случайные предметы, а самые заметные, центральные. Сумка-чехол, висевшая на отдельной стойке, получила ровную вертикальную полосу через середину. Портфель из грубой кожи был залит полностью, жидкость затекла в замки.

Она опустошила первый распылитель, наполнила второй. Перешла к стеллажам. Краска ложилась на ремни, на перчатки. Она затекала в швы, проникала под подкладку, окрашивала ярлыки. На черной коже алая краска смотрелась как абстрактная картина, на коричневой — как ржавчина, на бежевой — как открытая рана. Работа заняла двенадцать минут. Когда в канистре осталась треть, Тень остановилась. Окинула взглядом результат. Магазин теперь напоминал не торговую точку, а бракованную партию на складе, помеченную красным крестом.

Она вышла из лавки, оставив за спиной алый хаос. Стекланную плиту она не стала возвращать на место. Пусть проем зияет.

Следующей целью стал соседний магазин — ювелирная лавка с часами. В витри-

нах — модели швейцарских марок. Здесь ее метод изменился. Она взяла тонкую кисть, также извлеченную из сумки. Обмакнула ее в краску. И аккуратно, с хирургической точностью, нанесла алый мазок на циферблат первого изделия. Краска затекла под стекло, покрыла стрелки, скрыла название марки. Часы за часами превращались в алые диски. Некоторые она просто заливала из носика канистры, и густая жидкость медленно стекала по металлическим браслетам, застывая комками в звеньях. Пятнадцать минут.

Тень вышла из магазина не оглядываясь. Последним стал салон вечерних нарядов. Платья из струящихся тканей — шелк, атлас, кружево — поглощали краску иначе. Она не стекала, а впитывалась, расплываясь мокрыми, тяжелыми пятнами, уродливо обвисая на манекенах. Здесь Тень позволила себе чуть больше выразительности — несколько широких взмахов распылителем, — создав на белой стене за манекенами абстрактный, бесформенный узор.

Канистра опустела. Тень отступила на шаг, запихала пустую емкость в сумку. Темная фигура стояла в центре зоны с самой высокой арендной ставкой, окруженная тремя магазинами, которые теперь были не точками продаж, а зонами бедствия. Алые подтеки ползли по стеклу витрин, капали с краев полок, образовывали лужицы на полированном полу.

Она осмотрела свои руки. Резиновые перчатки были чистыми, лишь несколько брызг на запястьях. Одежда не пострадала.

Нарушитель выдохнул. Дыхание впервые за весь час вырвалось глубже и громче и повисло в холодном воздухе белесой дымкой в сыром, прохладном воздухе служебного помещения. Потом он повернулся и пошел назад тем же путем.

Проулок был пуст. Над Тарасовом занимался ранний рассвет, разбавляя черноту неба грязновато-сизым цветом. Где-то вдали проехала машина, ее звук тут же растворился в просторной тишине спящего города.

Тень растворилась в предрассветных сумерках. Над «Пассажем» оставался молчаливый, алый вопрос. Три магазина, бывшие витриной местного блеска, были отмечены. Их предстояло не просто отмыть. Стоимость ущерба была лишь цифрой в страховом отчете. Настоящая цена становилась очевидной с первыми лучами солнца, когда на полированных полах и испорченном товаре проступят четкие контуры совершенного.

ГЛАВА 1

Понедельник. Кафе «Бодрость» в Тарасове было местом, где за столиками под видом деловых обедов продавали услуги, решали вопросы и, как сейчас, заглаживали проблемы. Я сидела у привычного окна, откуда был виден весь этот утренний спектакль. На мне был серый жакет и блузка цвета морской волны. Это была моя рабочая маскировка, сигнал для своих и чужих: я здесь не обедать, а работать. Броня из кашемира и холодного расчета. За окном медленно проплывали лица, и я автоматически их сканировала: этот нервно сжимает чехол от ноутбука — боится опоздать, та поправляет на себе пиджак, купленный на размер больше, — пытается выглядеть солиднее, а в глазах читается панический вопрос: «А вдруг заметят?» Мой мир состоял из таких мелких трещин в чужой уверенности. Из них, как из мозаики, иногда складывалась картина.

Я сделала глоток эспрессо. Горечь была честной, без сиропных уловок. Вкус, который не обманывает. Вокруг же все было построено

на обмане, даже воздух в этом кафе был пропитан сладковатым запахом дешевой выпечки и притворства.

Именно в этот момент в кафе ворвался мой сегодняшний сюжет. Дверь звонко хлопнула, и на пороге замер Игорь Петрович. Мужчина под пятьдесят, в темно-синем костюме, который кричал о желании выглядеть солидно и полном непонимании, как это делается. Ткань мялась на локтях, будто он только что отбивался от кредиторов. Рубашка была чуть желтовата у ворота, галстук — бордовое чудо с едва заметными золотыми значками доллара, намек на амбиции, которым так и не суждено было сбыться. Его лицо было маской паники, натянутой на каркас хронической усталости. Он окинул зал бегающим взглядом, нашел меня и почти побежал к столику, держа перед собой потрепанный кожаный портфель, как щит от невидимых стрел. Я дала ему время сесть, выдохнуть, поправить трижды за минуту галстук.

— Татьяна Александровна? — голос сорванный, с хрипотцой, будто он всю дорогу говорил сам с собой, убеждая или уговаривая.

— Игорь Петрович. Вы пунктуальны. Это либо хороший знак, либо очень плохой. Обычно означает, что проблема уже переросла стадию «нужно подумать» и въехала в стадию «ради бога, помогите».

— Дело... дело экстренное. Репутационный удар.

Последние два слова он произнес с придыханием, будто речь шла о смертельном диагнозе, который только что поставили ему самому, его детищу и всем его будущим планам разом.

— Репутация — это то, что украсть нельзя, ее можно только заработать или потерять. — Я отпила кофе, давая паузе поработать на меня. — Факты меня интересуют больше. Что случилось?

Он наклонился через стол, понизив голос до конспиративного шепота, хотя вокруг никого не было. Типичная реакция — если шептать, то проблема как будто становится менее реальной.

— Сегодня ночью в «Пассаже»... вандализм. Три бутика измазаны краской. Нарочно, цинично. Я... я даже не знаю, с чего начать.

— «Пассаж», — повторила я, делая вид, что припоминаю. — Это который вещевого рынок в корпусе старого завода? С лавками у входа и рядами с дешевым трикотажем сзади? Тот, что активно рекламируется как «новый формат»?

Он поморщился, как будто я назвала его ребенка некрасивым, и при этом абсолютно правдиво.

— Это современный торговый комплекс со смешанной концепцией. У нас есть и высококлассные бутики, и...

— То есть вещевого рынок с претензией и зоной для тех, кто готов платить за эту пре-

тензию, — уточнила я, отрезая поток корпоративной мути. — Страховка, полагаю, есть. Сама по себе финансовая дыра не главное... У страховщиков свои сроки, но они выплатят. Значит, дело не в деньгах. Или не только в них.

— В символике! — Он аж передернулся, и его плечи сжались. — И во времени! Через две недели День города, у нас запланированы мероприятия, приезжает пресса из области... А теперь это... это пятно! Нас выставят на посмешище как неспособных обеспечить безопасность! Арендаторы начнут паниковать, требовать скидок, расторжения договоров... Цепная реакция!

Он достал смартфон, руки дрожали так, что он едва не уронил аппарат на столик. Листал экран, искал что-то, и каждый его жест кричал о потере контроля. Наконец нашел и показал мне подборку: фотографии и выдержки с камер наблюдения.

Я взяла телефон. Качество среднее, камеры явно бюджетные, но суть ясна: темная, расплывчатая фигура в капюшоне у служебной двери, в руке — белый прямоугольник, похожий на карту-ключ.

— Чья карта? — спросила я, увеличивая изображение. — Потерянная? Списаная? Или действующая, из оборота?

— Охрана говорит — стандартная, служебная. Таких много, у всего персонала. Мог-

ла и потеряться, могли скопировать... Я не знаю!

— Скиньте мне все, что есть. Оригиналы записей, не скриншоты. И время на кадрах проверьте — не расходится ли с реальным.

На одном из кадров было видно, как темная рука в перчатке переливает что-то из канистры. Рядом на полу белый пластиковый коврик. Обычный, хозяйственный. Мысленно поставила галочку: либо инвентарь уборщиц — тогда надо пробить по спискам, кто и когда брал, либо принесенный — тогда могли остаться отпечатки, но охрана к утру уже все затоптала.

— Сигнализация? — спросила я, продолжая листать.

— Сработала с запозданием. Сбой в настройках, говорят. Охрана приехала через двенадцать минут — никого.

На следующем кадре в руке фигуры блеснуло что-то тонкое, металлическое. Пластина для отжима. Значит, ключ мог быть и недействующим — просто открыл щель, а дальше работали отмычкой. Профессионал.

— Ничего не украл? — переспросила я. — Ни одной вещи, ни одного образца?

— Ничего! Только испортил. Ущерб предварительно оценивают в несколько миллионов, но... это же нелогично! Нормальный вор взял бы самое ценное и скрылся! Сумасшед-

ший... сумасшедший бы устроил погром, разбил все!

Я пролистала дальше. Fiore di Pelle — итальянская обувь, дорого. Ювелирный. Салон вечерних платьев. Интересный выбор. Не дешевый трикотаж, не точки с фастфудом. Кто-то бил по премиум-сегменту.

Лицо Игоря Петровича стало землистым, цвета застоявшейся волжской воды в ноябре. Он сглотнул, и кадык дернулся, как поплавок на волне внутренней паники.

— Вы... вы думаете, это кто-то из наших? Из команды?

— «Наших» — это чьих? — спросила я, расчлняя вопрос. — Арендаторов, которые могли что-то не поделить? Вашей администрации, у которой могут быть свои счета к руководству или друг к другу? Охраны, которую, как я понимаю по вашему взгляду, недавно меняли или увольняли? Давайте начистоту, Игорь Петрович, — продолжила я мягче, но без тепла. — Вы пришли ко мне не за тем, чтобы докопаться до сути любой ценой. Вы хотите не правды, а тишины и управляемого результата. Чтобы полиция формально поработала, страховая без проволочек выплатила и к Дню города «Пассаж» сиял как ни в чем не бывало и губернатор мог резать ленточку без задней мысли. Я же продаю правду. Полную. И если в процессе расследования всплывет, что ваш

уважаемый арендатор или кто-то из вашей, как вы говорите, «команды» замешан в старых грехах, которые и привели к этой ночной выходке, я это не замну. Не позволю замять. Это мой профессиональный кодекс. Он дороже любого вашего вознаграждения. Плата за мою работу — шестнадцать тысяч в день плюс фактические расходы: кофе, бензин, взятки освещителям — все по чекам. Аванс за три дня. Наличными. Согласны?

Он замер, оценивая не просто глубину ямы, в которую уже провалился, а ее геологию. Его взгляд метнулся к окну, к благополучной, солнечной уличной суете, словно ища там спасения, совета, одобрения. Не нашел. Только свое отражение в стекле — помятое, испуганное.

— Согласен. Только быстро.

Он судорожно раскрыл портфель, достал коричневый конверт и положил на стол. Я не стала его вскрывать и считать, просто сдвинула к себе, оценив толщину и вес. Примерно пятьдесят. Честно.

Прежде чем конверт отправился в карман, я достала из сумки два экземпляра договора — стандартный бланк, который всегда лежал наготове. Мы бегло заполнили графы, поставили подписи, и мой экземпляр лег рядом с конвертом. Формальности были соблюдены — теперь можно работать.

— Отлично. Теперь по делу, — начала я, складывая руки перед собой. — Мне нуж-